

МЕТАФОРА И ПРЕФИКС АНТИ- В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. Н. Булдакова (Ижевск)

Мысль Аристотеля: "... слагать хорошие метафоры - значит подмечать сходство" (цит. по: Ричардс, 1990, 44) была долгое время господствующей при взгляде на природу метафоры. А мысль о том, что "в метафорическом высказывании можно видеть сокращённое сравнение, но в нем можно видеть и сокращенное противопоставление" (Арутюнова, 1990, 18), о том, что "метафора отражает противоречивость впечатлений, ощущений и чувств", что "метафора работает на категориальном сдвиге" (там же), утвердилась в последние десятилетия и отмечалась многими авторами (Ортега-и-Гассет, 1990; Рикёр, 1990; Вежбицкая, 1990; Гусев, 1984 и др.), при том, что отмечалось и следующее: "мнение о том, что результатом метафоры является отождествление предметов, почти всегда неверно и приносит вред" (Ричардс, 1990, 64).

Иными словами, мы возвращаемся к такой мысли Платона: "при всяком мыслительном определении (а метафора и есть "мыслительное определение", отвечающее поиску сущности, это "особый способ мышления" /Платонова, 1992, 7/ - М. Б.), во всяком предложении, при всяком суждении, при всяком высказывании необходимо мыслится как тождество, так и различие" (Гадамер, 1991, 37), что тождество и различие всегда и нерасторжимо вместе.

"Наше владение метафорой и мышлением - удивительное и непоостижимое искусство; осознание этого искусства - нечто совсем другое: неполное, искаженное, ошибочное, упрощающее" (Ричардс, 1990, 59). И все-таки попытаемся детально рассмотреть, что же происходит в нашем сознании, когда мы неожиданно и впечатляюще объединяем предметы, относящиеся к весьма отличным сферам опыта.

Хосе Ортега-и-Гассет замечает, что на очень ранних стадиях развития мышления словесное выражение метафоры обнажало двойную операцию - сначала утверждение, а затем отрицание. "Когда ведический поэт хочет сказать "твёрдый, как скала", он выражается так: "...твёрдый, но не скала" (Ортега-и-Гассет, 1990, 74). Первоначально происходит объединение свойств героя и скалы ("твёрдость скалы нам хорошо знакома и привычна" /там же/), а вслед за этим, оставив у героя признак твердости, изымаются из его образа все прочие свойства скалы.

Польской исследовательнице А. Вежбицкой видится, что отрицание - в глубинной структуре метафоры, это находит выражение в реальных языковых фактах и может отражаться как в имплицитном отрицании, так и в эксплицитном (Вежбицкая, 1990). Тезис о наличии в глубинной структуре метафоры отрицания представляется А. Вежбицкой исключительно важным, "поскольку его принятие означает признание того, что метафору можно понять и что можно описать ее смысл явным образом" (Вежбицкая, 1990, 147).

Вот один из приводимых ею примеров с имплицитно выраженным отрицанием: Глаза - огонь, лоб - зеркало, волосы - золото, зубы - жемчуг ...

Пример рассуждений автора таков: "Сказать: глаза - огонь ... - это либо выразить мысль сокращённо, либо же сказать явную нелепость, абсурд" (там же). Далее она реконструирует непротиворечивую, внутренне целостную глубинную структуру в виде следующей метаязыковой записи: "можно сказать, что это не глаза, а огонь". Таким образом, идет мысленное достраивание эллиптической конструкции, которая разрешает явное противоречие, "что одна вещь является одновременно и какой-то другой вещью" (там же, 148).

Обратимся теперь к нашим примерам и выясним функцию приставки *анти-* при создании метафоры. Рассмотрим такой пример:

антихлеб - "Толкачи войны не уgomонятся и, подталкивая мир в пропасть, будут уверять, что подлинная безопасность и прочный мир наступят лишь тогда, когда не меньше десяти тонн динамита, этого антихлеба нашего века, придется на каждого брата или сестру нашу по человечеству" (СМ-81).

Реконструируя логически процесс создания метафоры, мы можем отметить, что метафора первоначально строится на основании раздвоенного на противоположности единства "динамит - хлеб"; эти понятия определяют предел проявления такого состояния, как "смерть - жизнь", а далее идет эксплицитное отрицание тождества при помощи приставки *анти-*. Отмечается эллиптическая свертка одного крайнего проявления состояния, выраженного понятием "динамит", в другое, выраженное понятием "хлеб", и возвращение к исходному понятию через отрицание. Функция приставки *анти-* сводится к отрицанию тождества противоположных понятий, но к утверждению сходства основания их противопоставленности.

Приведем еще примеры:

антиводостоки - "Багровые приплюснутые тучи над ночным Латинским кварталом, влажный воздух с запоздалыми каплями дождя, которые ветер вяло швырял в плохо освещённое окно с грязными стеклами, где оно разбито и кое-как залеплено розовым пластирем. А наверху, под свинцовыми водосточными желобами, наверное, спали голуби, тоже свинцовые, спрятав головы под крыло, - эдакие образцовые антиводостоки" (Х. Кортасар. Игра в классики. М., 1986. С. 65).

Конфликт между тождеством "голуби - антиводостоки" к различием двух совмещаемых образов (неужели голуби - антиводостоки, а не птицы?) порождает метафору путём слияния различий в тождестве ("голуби - ... эдакие образцовые антиводостоки"). Новый смысл рождается из крайне несопоставимых на первый взгляд частей. Контекст формирует не только конкретное семантическое толкование нового слова, но и вообще возможность рассматривать его как метафору. На основе частичного сходства двух объектов (их сиюминутной функции) делается ложное утверждение об их полном тождестве.

Отрицание тождества при общем основании невесомости, лёгкости - такова функция приставки *анти-* в следующем примере:

антикосмос - "Мир Мовчана - тяжёлый мир. Напряжённый. Люди и вещи тут словно бы на какой-то планете, гравитационное поле которой значительно больше земного. Это антикосмос какой-то: мы уже привыкли к изображениям пребывающих в невесомости космонавтов, и показывали их так впечатляюще, будто и мы вместе с ними плавали, парили под потолком несущегося в межзвёздном пространстве сербристого корабля, вкушали питья и яства из тубиков и для космоса это естественно. Но беда: земля-то - не космос и, коль скоро Исаак Ньютон открыл закон тяготения, никуда от гравитации нам не деться. Жить - преодолевать сопротивление. Предпринимать ряд изматывающих усилий, и телесных, и нравственных. А какое бы то ни было представление о бытии как ряде усилий из художнического обихода выветривалось. Вразрез, вопреки очевидности слагалась атмосфера некоего парения в невесомости, какой-то блаженной нашей взвешенности в истории: всё понятно, всё просто; мир стабилизировался, приблизившись к почти полной социальной нирване, нарушать которую никому не позволено. А Павло Мовчан своё утверждал: жить - усилие. И ходить по земле - усилие. И на свет родиться - усилие, равно как и помереть" (Дружба народов, 1989, №11, с. 254).

Для сравнения приведём такой пример омонимичного слова:

антикосмос - о глубинных слоях воды или Земли. "Сегодня мы публикуем записки Олега Николаевича Киселёва... Учёный не раз совершал необыкновенные путешествия в антикосмос, как называют водные пучины, и многое сделал для познания тайн голубой чаши Земли" (Сов. Россия, 27 мая 1965). "Благодаря новым картам мы делаем важнейший шаг к началу решения эпохальной научной задачи - проникновению в "антикосмос" - глубинные слои нашей планеты" (Наука и жизнь, 1966, №5) (НСЗ-60). В этом случае приставка выражает значение противоположности, образуется новый термин.

Нередко определить сущность понятия можно лишь с помощью отрицания известного ёмкого понятия:

антибюрократия - "Поэзия - есть антибюрократия. За это ей и слава и проклятия" (СМ-82).

Поэзию не отличает формализм, пренебрежение к существу дела, она бескомпромиссна.

Антиопиум - "Для всех фильмов, более или менее художественных, характерны тоска, скука, усталость. И лишь антихудожественный кинематограф, да ещё комедия - радостные, светлые, солнечные - расслабляют, убаюкивают уколами того антиопиума, которым является голая объективность" (Искусство кино, 1992, №6, с. 101). "Голая объективность" не может отупить, убаюкать разум, сознание, она, напротив, его будоражит, не оставляет в покое (ср.: религия - опиум народа).

Из сказанного следует, что префикс *анти-* очень часто может выступать в роли метафорообразующего форманта. Мы показали, что сходство имеет отношение к производству и пониманию метафоры, но не к её значению (Серль, 1990, 317), именно потому, что "метафора вскрывает логическую структуру "сходного", потому что в метафорическом высказывании "сходное" обнаруживается *вопреки* различию, *несмотря* на противоречие" (Рикёр, 1990, 441). Сходное - это основание сопоставления понятий, в остальном наблюдается очевидное различие, что подчёркивается эксплицитно при помощи префикса *анти-*, который выступает к тому же как элемент экспрессии. Формируется эмоциональная метафора.

Список сокращений источников:

- НСЗ-60 Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
 СМ-81 Новое в русской лексике: Словарные материалы - 81. Под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1982.
 СМ-82 Новое в русской лексике: Словарные материалы - 82. Под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1986.

ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д.: Метафора и дискурс. В сб.: Теория метафоры. Москва 1990, с. 5-32.
 ВЕЖБИЦКАЯ, А.: Сравнение - градация - метафора. В сб.: Теория метафоры. Москва 1990, с. 133-152.
 ГАДАМЕР, Г. Г.: История понятий как философия. ГАДАМЕР, Г. Г.: Актуальность прекрасного. Москва 1991, с. 26-43.

- ГУСЕВ, С. С.: Наука и метафора. Изд-во Ленингр. ун-та, Ленинград 1984, 152 с.
- ОРТЕГА-И-ГАССЕТ, Х.: Две великие метафоры. В сб.: Теория метафоры. Москва 1990, с. 68-81.
- ПЛАТОНОВА, О. В.: Референциальный аспект метафорической номинации (на материале поэтического языка XX века). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва 1992, 24 с.
- РИКЕР, П.: Живая метафора. В сб.: Теория метафоры. Москва 1990, с. 435-455.
- РИЧАРДС, А.: Философия риторики. В сб.: Теория метафоры. Москва 1990, с. 44-67.
- СЕРЛЬ, Дж.: Метафора. В сб.: Теория метафоры. Москва 1990, с. 307-341.